

В.К. Косс

Я БЫЛА ЖЕНОЙ
— ТВОЕГО —
Врага

В.К. Косс

Я была женой твоего врага

«Автор»

2026

Косс В.

Я была женой твоего врага / В. Косс — «Автор», 2026

Полтора года назад я развелась с Олегом Березиным и начала жить заново. А теперь моя подпись нашлась в отчете о работах на складе, где погиб брат Артема Воронцова. Артем знает, чьей женой я была. И не верит, что я ничего не скрываю. У меня есть старая тетрадь, несколько неудобных вопросов и одна ошибка, которую больше нельзя замалчивать. У него — причина ненавидеть моего бывшего мужа. Мы ищем документы, которые кто-то предпочел бы спрятать. Чем больше времени проводим вместе, тем труднее удерживать расстояние, с которого начинался наш первый разговор. Олег требует, чтобы я остановилась. Артем становится человеком, к которому хочется прийти домой. Только я уже знаю, чем заканчивается любовь, когда за тебя решают, что тебе лучше. Смогу ли я узнать правду и выбрать его, не потеряв себя снова?

© Косс В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Женщина с фотографии	5
Глава 2. Моя подпись	9
Глава 3. Четыре недели	11
Глава 4. Он все еще говорит за меня	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

В.К. Косс

Я была женой твоего врага

Глава 1. Женщина с фотографии

— Фамилия? — спросил Воронцов, хотя перед ним лежала распечатка моего паспорта, которую я сама отправила его помощнице.

— Соколова.

Он посмотрел на меня поверх листа.

— А раньше?

Я положила папку на край стола. Ее угол упирался в мою ладонь; хотелось убрать руку, но тогда он увидел бы, как неловко я держу пальцы.

— Березина. Я развелась полтора года назад.

— Я знаю.

В кабинете было прохладно. На четвертом этаже старого заводоуправления кондиционер работал с таким усердием, словно должен был охладить все предприятие. Я пришла пешком от проходной и теперь жалела, что оставила жакет в машине.

Воронцов не предложил сесть. Я отодвинула стул сама.

— У меня документы по одному из ваших подрядчиков.

— По вашему бывшему мужу.

— По платежу, который прошел через его компанию. Если бы я знала больше, не просила бы о встрече.

Он не ответил. Вынул из лежавшей справа папки фотографию и повернул ее ко мне.

Мы с Олегом на открытии нового цеха. Я помнила тот вечер: тесные туфли, теплое шампанское, муж, который все время поправлял мою руку на своем локте. На снимке получилась счастливая женщина. Я даже улыбалась без усилия — фотограф сказал что-то смешное, и на секунду я перестала думать о том, что дома Олег снова спросит, зачем я спорила с ним при бухгалтере.

— Это тоже я, — сказала я.

— Вы работали у Березина финансовым аналитиком.

— Три года.

— И утверждали отчеты.

— Внутренние сверки. Утверждал их директор.

— Удобное различие.

Я придвинула папку к нему.

— Иногда существенное. Посмотрите, пожалуйста.

Павел Савин прислал мне копию платежного поручения вчера в одиннадцать вечера. Мы не разговаривали почти два года, и сначала я решила, что его телефон взломали. Потом он позвонил. Я узнала голос раньше, чем он назвал себя: негромкий, с привычкой делать паузу перед каждой фамилией, будто человек решал, можно ли ее произносить.

«Помните сумму за ремонт третьего склада? Найдите свои записи. Я больше не могу отвечать за чужую работу».

Сумму я помнила. Четыре миллиона восемьсот шестьдесят тысяч. Из всех денег, которые проходили через мои таблицы, именно эти не давали мне спокойно закрыть старую тетрадь.

Воронцов взял верхний лист. Его лицо почти не менялось, но на строке назначения платежа он остановился.

— Откуда это?

— Копия, полученная от человека, который работал на складе. Имя я сообщу после разговора с адвокатом.

— Значит, адвокат уже есть.

— Это не делает документ хуже.

— И лучше не делает.

— Поэтому я принесла то, что можно проверить.

Под платежкой лежала страница моего рабочего журнала. Я сканировала ее утром, прежде чем поехать к Ирине. Двадцать первое июня. Сумма. Сокращение «скл. 3». Рядом две пометки: «нет детализации» и «документы у О. Б.». Последнюю я обвела дважды.

— Оригинал у вас? — спросил он.

— Да.

— Привезли?

— Нет. Это моя тетрадь с записями по нескольким компаниям. Я не стану отдавать ее целиком человеку, с которым знакома десять минут.

Он поднял взгляд. Я ожидала раздражения, но увидела скорее внимание. Оно не было дружелюбным. Просто до этой минуты он рассматривал меня как часть фотографии, а теперь вынужден был слушать.

— Вы понимаете, что делаете?

— Не до конца. Потому и хочу выяснить, что произошло с этим платежом.

Воронцов нажал кнопку внутреннего телефона и попросил принести отчет по подрядным работам за июнь. Говорил коротко, без привычного Олегу показного спокойствия. Когда муж так разговаривал с подчиненными, он обязательно поглядывал на меня: замечаю ли я, как его слушаются. Воронцов уже изучал скан тетради.

Я впервые позволила себе рассмотреть его. Темные волосы, слишком коротко подстриженные на висках; белая рубашка без галстука; небольшой рубец у основания большого пальца. Лет тридцать пять. Ничего, что позволило бы догадаться, насколько он опасен для Олега, если не считать папки, которую он открыл еще до моего прихода.

— Почему сейчас? — спросил он.

— Вчера я получила платежку.

— А тетрадь лежала у вас два года.

— Там запись о вопросе, на который мне не ответили. Не доказательство хищения.

— Вас это устроило?

Я посмотрела на свои руки. Ногти короткие, один неровно подпилен. Я сломала его утром, доставая тетрадь из коробки с зимними вещами. Почти смешно: искала свою старую ошибку между шарфом и перчатками.

— Тогда — да.

Он молчал.

Мне захотелось сказать, что я была моложе, что доверяла мужу, что он умел убеждать. Все это было правдой. И все звучало бы как попытка заставить незнакомого человека пожалеть меня раньше, чем он поймет, зачем я пришла.

— Я попросила подтверждения, — сказала я. — Олег ответил, что акты лежат у руководителя проекта, а отчет нужно закрыть до конца дня. Я могла не подписывать. Подписала.

В дверь постучали. Помощница принесла серую папку, поставила передо мной стакан воды и вышла. Я поблагодарила ее слишком тихо.

Воронцов нашел нужный лист.

Моя подпись была внизу, чуть левее печати. Я узнала ее не по буквам, а по резкому росчерку. В то лето у меня появилась привычка быстро заканчивать собственную фамилию, будто я торопилась согласиться.

— Это ваша? — спросил он.

— Да.

Я прочитала заголовок: «Сверка расходов по восстановительным работам». Потом таблицу и сводную часть под ней. Общая сумма совпадала. Формулировка в последней строке — нет.

— У меня был другой лист.

— Разумеется.

— Нет, посмотрите. В моем журнале вопрос относится к ремонту. Здесь написано «устранение нарушений противопожарной защиты». Я не могла подтвердить такие работы. Я проверяла суммы.

— Но подпись поставили.

Я еще раз прочитала строку. Разница занимала меньше половины сантиметра: тесный шрифт, втиснутые слова. Изменить их было бы нетрудно. Однако я не помнила свой экземпляр достаточно хорошо, чтобы поклясться, что он отличался. В этом и состояло самое неприятное.

— Я должна найти копию, — сказала я. — Сейчас не могу утверждать, что текст заменили.

Он придвинул ко мне воду.

Впервые за весь разговор сделал что-то, не похожее на вопрос. Я взяла стакан, но пить не стала.

— Почему вы не отправили это следователю? — спросил он.

— Я не знала, что было расследование. Савин сказал, что сначала нужно сопоставить платеж с вашими документами. Мой адвокат знает, куда я пошла. После встречи я передам ей все, включая этот отчет, если вы дадите копию.

Я произнесла фамилию прежде, чем успела остановиться.

— Савин, — повторил Воронцов.

— Он ничего не обещал вам. И мне тоже. Не звоните ему без предупреждения.

— Вы приходите ко мне с именем человека, которого я ищу несколько месяцев, и предлагаете не звонить?

— Предлагаю сначала выяснить, почему он решился заговорить. Если напугать его, останется одна моя тетрадь.

Воронцов откинулся на спинку кресла. В его взгляде появилось что-то новое: я ему по-прежнему не нравилась, но теперь он, кажется, решил, что я могу быть полезна.

Телефон на столе завибрировал. Он посмотрел на экран и перевернул его.

— Передайте адвокату, что копию она получит сегодня. И пусть свяжется с моим юристом. Без посредничества Березина.

— Его здесь не будет.

— Уверены?

— В этой комнате — да. За все остальные отвечать не могу.

Он почти улыбнулся. На мгновение лицо стало другим, и я почувствовала неожиданное облегчение. Не потому, что он мог оказаться добрее. Потому, что разговор наконец перестал напоминать заранее вынесенный приговор.

Я встала.

— Еще одно, — сказал Воронцов. — Когда вы подписывали отчет, Березин объяснил, зачем нужно закрыть расходы именно в тот день?

— Приезжала комиссия. Он сказал, что задержка повредит контракту.

— Комиссия приехала через пять дней.

Я снова посмотрела на дату.

— Двадцать шестого?

— Уже после пожара.

Папка выскользнула из-под моей ладони и раскрылась. Я придержала ее, собирая листы. Воронцов не помогал — ждал, когда я посмотрю на него.

— Отчет приобщили к материалам проверки, — сказал он. — Подтверждали, что нарушения устранили. Со ссылкой на вашу подпись.

Я помнила короткую новость о пожаре. Олег сказал тогда, что пострадал склад одного из заказчиков, а подробности мне знать незачем. Через полгода мы развелись. Между этими событиями было достаточно ссор, чтобы я никогда не попробовала связать их.

— Там кто-то погиб?

Воронцов убрал фотографию под отчет. Улыбка исчезла давно.

— Мой брат.

Глава 2. Моя подпись

Ирина не сказала «я предупреждала», хотя имела полное право.

Она выслушала меня, закрыла дверь кабинета и подвинула коробку салфеток на середину стола. Я не плакала. Просто никак не могла допить воду, которую она налила, и все время вытирала мокрые пальцы о юбку.

— Что именно Воронцов утверждает? — спросила она.

— Что отчет использовали после пожара. Как подтверждение выполненных работ.

— Что именно ты знаешь?

Я пересказала разговор еще раз, отделяя его слова от своих предположений. На второй попытке стало легче дышать. Ирина записала даты, фамилии, название подрядчика — «Контур».

— Оригинал твоего отчета где?

— В компании Олега. Я не забирала рабочий архив.

— А свою переписку сохранила?

— Часть. Когда уходила, меня отключили от корпоративной почты в тот же день.

— Личный телефон?

Он лежал рядом с тетрадью: старый, с разбитым уголком экрана. Я привезла его из дома после встречи. Два года собиралась отдать в ремонт, потом стало проще купить новый. Ирина нашла зарядное устройство, и телефон долго показывал только пустую батарею.

— Если сообщение осталось, мы его сохраним целиком, — сказала она. — Вместе с тем, что было до и после. Не будем выбирать удобные строчки.

В тетради за нужный день было еще три записи. Оплата металла. Возврат аванса. Ремонт склада. Первые две я перечеркнула зеленой ручкой — закрытые вопросы. Третья осталась черной.

Я помнила кабинет Олега. Не весь день, не последовательность писем. Только одну сцену, которую столько раз пересказывала себе иначе, что теперь приходилось снимать с нее накопившиеся объяснения.

Он сидел боком к столу и выбирал на телефоне ресторан. На вечер были приглашены партнеры. Я принесла лист и спросила, где акты по «Контур».

— У Бориса, — ответил он, не поднимая головы.

— У Воронцова? Тогда пусть пришлет сканы.

— Ника, они на объекте. Ты проверила сумму?

— Сумма сошлась. Я не знаю, за что заплатили.

Он наконец посмотрел на меня.

— За ремонт. Это написано в строке.

— Я умею читать.

Олег положил телефон. Я уже знала это движение: дальше разговор пойдет о моем тоне, а не о документах.

— Давай без этого. Ты хочешь сорвать закрытие месяца?

— Я хочу увидеть акты.

— Борис завтра их привезет. Комиссия на следующей неделе, они заканчивают работы. Если сейчас задержим платеж, люди уйдут с объекта. Тогда ты будешь объяснять заказчику, почему решила устроить проверку собственной компании.

Я сказала, что поставлю подпись завтра. Он напомнил о договоре, который ждали три месяца. Потом спросил, почему другим сотрудникам можно доверять, а ему — нельзя.

Мне следовало вернуться к первому вопросу. Я стала объяснять, что доверяю.

На этом работа закончилась.

— Почему ты не проверила на следующий день? — спросила Ирина.

— Он отправил меня сверять другой объект. Потом мы уехали на выходные. Когда вернулись, про склад уже были новости. Я спросила, нашел ли он акты. Он сказал, что все у юристов, они разбираются.

— И ты больше не спрашивала.

— Да.

Произнести это вслух оказалось тяжелее, чем рассказать про ссоры. Если бы Олег запретил мне, угрожал, запер дверь — в истории было бы простое объяснение. Но я ходила на работу, получала зарплату и каждую неделю открывала ту же тетрадь. Я просто научилась не задерживаться на одной странице.

Телефон включился. Мы нашли переписку по дате. За день до подписи — фотография счета. После — просьба приехать в ресторан вовремя. Ни сканов актов, ни обещания прислать их завтра. Об этом мы разговаривали лично.

Ирина сохранила переписку и составила перечень того, что я принесла. Дала прочитать. Я подписала каждую страницу медленно.

— Ты можешь отвечать за свое решение, — сказала она. — Но не надо дописывать себе чужие поступки. Пока у нас два разных текста отчета и вопросы к платежу. Связь с пожаром будем устанавливать, а не придумывать.

— Я должна была отказать.

— Да. И мы это не прячем. Дальше?

Вопрос был почти жестоким. Именно поэтому помог.

Мы позвонили Савину с моего телефона. Он ответил после нескольких гудков.

— Вы были у него?

— Да. Теперь со мной адвокат. Павел Андреевич, она хочет понять происхождение копии.

Он помолчал.

— Денис дал. За два дня до пожара. Просил убрать у себя, пока не разберется с братом. Я посмотрела на Ирину. Она не изменилась в лице, только сделала новую запись.

— Почему вы не передали ее раньше?

— Потому что в ней мое имя тоже есть. Я принимал людей на склад. Выполнял распоряжения. Мне сказали, что подпись найдется под каждым. Найдется, Ника. Я не спорю.

— А сейчас?

— Мне снова прислали бумагу. Просят подтвердить, что ремонт шел. Я думал, уже отстали.

Голос стал хриплым. Он откашлялся, и я услышала далеко за ним объявление электрички.

— На третьем складе работ не было, — сказал Савин. — Ни до пожара, ни в ту неделю. Спросите рабочих. Они только разгружали.

— Где вы сейчас? — спросила Ирина.

— Не в городе. И не надо меня искать через завод.

Мы договорились о времени следующего звонка. Ирина попросила сохранить новое письмо и ничего не подписывать, пока они не обсудят его. Не давала обещаний, которые не могла выполнить.

После разговора я долго смотрела на тетрадь.

На полях у спорной суммы стояла маленькая галочка. Я заметила ее только сейчас. Так отмечала дела, к которым нужно вернуться.

— Отчет Воронцова пришел, — сказала Ирина. — Начнем с построчного сравнения.

Я придвинула стул ближе.

Глава 3. Четыре недели

Утром начальница вызвала меня в переговорную.

Я пришла на работу на сорок минут раньше и все равно успела представить пять причин увольнения. В каждой было одно и то же: бывшая жена подозрительного подрядчика приносит проблемы в небольшую независимую фирму, где ценят спокойных заказчиков.

— Позвонили из «Воронцов Инжиниринг», — сказала Марина. — Хотят проверить расходы за два года. Конкретно просят включить тебя в группу.

На столе лежал лист с перечнем документов. Не заявление на увольнение.

— Я связана с одним из подрядчиков.

— Уже не связана?

— Была его женой. И работала у него.

— Тогда это нужно указать. И ты не будешь одна решать, что достоверно, а что нет. Проверять будут двое, итог подпишет руководитель группы. Если заказчик хочет удобное заключение, мы откажемся.

Я прочитала список. Банковские выписки, договоры, акты, журналы доступа. Первая работа после развода, в которой мое прошлое могло понадобиться не как причина отказа.

— Я хочу участвовать.

Марина кивнула и спросила, сколько дней мне нужно на сбор собственных материалов. Мы договорились о четырех неделях предварительной проверки. Срок звучал скромно рядом с двумя годами, которые я уже потеряла.

На предприятие мы приехали вдвоем с руководителем группы Сергеем. Артем встретил нас в той же переговорной, где готовили договор. При Сергее он говорил со мной равно, обращался по имени и отчеству. Мне пришлось вспомнить, что я Вероника Андреевна. Олег обычно называл так только в насмешку.

— Материалы вашей личной переписки идут через адвоката, — сказал Артем. — Рабочие документы — через вашу фирму. Смешивать не будем.

— Хорошо.

— И еще. Если Березин предложит вам договориться, я хочу узнать об этом.

— Я сообщу о том, что относится к проверке.

Сергей посмотрел на нас поверх очков, но вмешиваться не стал.

Дверь открылась, и вошел мужчина с седыми волосами и лицом, которое я вспомнила раньше его имени. Борис Воронцов. На той самой фотографии он стоял за спиной Олега. Я принимала его за еще одного представителя заказчика, иногда разговаривала по телефону о сроках оплаты. Он всегда спрашивал, не слишком ли поздно звонит, и благодарил за помощь.

— Ника, — сказал он с мягким удивлением. — Сколько лет. Как вы?

— Работаю.

Он усмехнулся, пожал руку Сергею, положил перед Артемом тонкую папку.

— Из архива. Что смогли поднять сразу. Остальное по запросу.

— Здесь и июнь? — спросил Артем.

— В том числе.

Мы распределили доступ, записали ответственных за документы. Борис отвечал на вопросы охотно. Объяснил, что складская документация пострадала при пожаре, бухгалтерская сохранилась в главном корпусе. Журналы за нужный месяц следовало искать у службы охраны.

— А «Контур» у вас был по прямому договору? — спросила я.

— Через Березина, насколько помню. Субподряд.

— Мне нужен перечень их работников.

— Попробуем найти. Артем, можно тебя на минуту?

Они вышли в коридор, оставив дверь неплотно прикрытой. Сергей открыл ноутбук. Я склонилась к папке, но услышала свое имя.

— Понятно, что она хочет помочь, — говорил Борис. — Только ее подпись уже стоит в отчете. Не торопись ставить ее в положение, где придется защищать собственного мужа.

— Бывшего, — ответил Артем.

— Это на бумаге. Мы не знаем, что между ними осталось.

Я перевернула страницу. На ней была ведомость закупки кабеля — обычные строки, которые не имели отношения к услышанному. Мне нужно было смотреть на что-то понятное.

Сергей поднял голову.

— Ника, потом запросим оригиналы этой ведомости. Здесь номера счетов обрезаны.

Я благодарно кивнула.

Артем вернулся один. Борис пошел к архивисту.

— В какое время вам удобно работать здесь? — спросил Артем.

Мы согласовали график. Он не стал извиняться за слова дяди, будто тоже считал их нормальным рабочим вопросом. Вероятно, так и было. Бывшей женой я оставалась независимо от того, какую фамилию указала на пропуске.

Перед уходом я задержалась у стола.

— Сергей проверит все мои выводы, — сказала я. — Можете ему доверять.

— Я доверяю способу проверки.

— Тогда у нас есть что-то общее.

Он посмотрел на меня внимательнее.

— У вас есть повод отказаться. Это не будет признанием вины.

Предложение прозвучало слишком спокойно, чтобы принять его за угрозу.

— Я уже однажды решила не задавать лишних вопросов. Мне не понравилось, чем это закончилось.

Во дворе Сергей остановился ответить на звонок. Я дождалась его возле старой клумбы. Из двери вышел Борис.

— Не принимайте близко к сердцу, — сказал он. — Артему трудно. Он так и не смирился.

— Я понимаю.

— Особенно с этими четырьмя миллионами восьмьюстами шестьюдесятью тысячами.

Все считает, что они что-то объяснят.

Он похлопал папкой по ладони и пошел к парковке.

Я посмотрела ему вслед. На совещании сумму не называли. В списке запроса стоял только подрядчик. Борис мог помнить ее по документам, которые принес. Мог прочитать платежку Артема.

Я достала блокнот и записала его слова вместе со временем. Сначала запись. Объяснение потом.

Глава 4. Он все еще говорит за меня

Олег ждал возле моего офиса в четверг, когда я выходила за кофе.

Он стоял под козырьком, разговаривал по телефону и держал в другой руке стакан с крышкой. Второй стакан был поставлен на широкий подоконник. Когда увидел меня, закончил разговор, не попрощавшись.

— Без сахара. Помню.

— Я не просила.

— Ты всегда отвечаешь так, когда волнуешься.

Он протянул кофе. Я не взяла, и ему пришлось самому поставить стакан рядом с первым. Эта мелочь раздражала его сильнее, чем мой тон. Олег никогда не любил оставаться с ненужным подарком в руках.

— Кто сообщил тебе мой адрес?

— На сайте есть.

Да, был. Я работала здесь больше года, и Олегу ни разу не понадобилось знать, где именно.

— Если хочешь поговорить о документах, свяжись с Ириной.

— Я хочу поговорить с женой.

— Бывшей.

Он посмотрел через стеклянную дверь на охранника, который сидел у стойки. Я осталась в поле его зрения.

— Ника, мы оба взрослые люди. Зачем ты пошла к Воронцову?

— Потому что у него есть документы, которых нет у меня.

— У меня тоже есть.

— Акты «Контур»? Пришли.

— Ты не понимаешь, куда лезешь.

С ним всегда было трудно удержать разговор на предмете. Я спрашивала о бумаге, он отвечал о моей неопытности. Я просила факт, он рассказывал о чувствах.

— Тогда объясни письменно. Что было выполнено, кто принял, почему назначение расходов в отчете не совпадает с моей записью.

Он сделал шаг ближе, и я отступила к двери. Олег заметил.

— Ты меня боишься?

— Я не хочу, чтобы ты подходил.

— После пяти лет брака.

— После развода.

Мимо прошли две девушки из соседнего отдела. Олег улыбнулся им так естественно, что мне стало неловко за наш разговор. Я узнала это чувство и не стала ему уступать.

— Твои новые работодатели знают, как ты подписывала документы? — спросил он, когда девушки отошли.

— Да.

Его лицо изменилось впервые. Он рассчитывал, что мне есть что скрывать.

— Воронцов тоже знает. Адвокат тоже. Я ничего не исправляла задним числом.

— Хорошая девочка. Решила, что они тебя за честность пожалеют?

Он произнес это тихо. За стеклом охранник поднял голову. Я нажала ручку двери, но Олег больше не приближался.

— Они проверяют документы. Тебе тоже могут задать вопросы.

— Уже задавали. Два года. И все осталось как было. Только Савин снова решил отвечать за чужую работу.

Я замерла.

Та же фраза. Савин произнес ее во время первого звонка. И написал в сообщении, к которому приложил платежку.

— Что?

— Не делай такое лицо. Он всем надоел своими претензиями. Ты же знала его: то переработки, то условия. Если он убедил тебя, что нашел сенсацию, подумай, кто будет выглядеть глупо, когда все проверят.

Я открыла дверь.

— Пришли акты Ирине.

В лифте я набрала ее номер. Потом отправила сообщение Савину: «Вы пересылали кому-нибудь текст, который прислали мне?» Он не ответил.

Ирина попросила описать разговор сразу, пока я не начала переставлять реплики в памяти. Я вернулась к столу, закрыла дверь переговорной и записала все, включая кофе.

На предприятие поехала после обеда. Нужно было забрать копии договоров, а Артем уже получил от Ирины сообщение о встрече.

— Что он хотел? — спросил он, когда мы остались вдвоем.

— Чтобы я прекратила проверку. Прямо этого не сказал.

— Вы согласились?

Я посмотрела на него.

— Если бы согласилась, зачем приехала бы за договорами?

— Чтобы он знал, какие именно мы подняли.

Это было сказано без злости, почти деловым тоном. И все равно мне пришлось подождать, прежде чем отвечать.

— Такое возможно. Поэтому проверяйте, кому и что я передаю. В рамках работы. На мою личную жизнь это не распространяется.

— Встреча с Березиным относится к работе.

— Когда он ждет у моего офиса без приглашения — к давлению. Я сообщила.

Артем прошел к окну, помолчал, вернулся.

— Вы правы.

Я не сразу поняла, что он обращается ко мне. Простая фраза казалась неправдоподобной в комнате, где меня до сих пор спрашивали, на чьей я стороне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.